

Служили два товарища

Как дети ГУЛАГа наше кино разбудили

Лукесович - 2002. - 12 янв. - с. 9

В этом году им исполнилось бы по 80 лет — создателям Золотой коллекции любимейших фильмов — Юлию Дунскому и Валерию Фриду. В ней «Гори, гори, моя звезда» и «Служили два товарища», «Экипаж» и «Сказка странствий», «Семь нянек» и «Ровесник века», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» и «Старая, старая сказка»... Об уникальном дуэте специально для «Известий» — оscarовский лауреат кинорежиссер Владимир МЕНЬШОВ.

У Фрида юбилей прямо завтра, 13 января. У Дунского — в июле, он на полгода моложе Фрида, а ушел из жизни почти двадцать лет назад, в марте 1982-го. Ушел мужественно, гордо, независимо, когда понял, что неизлечимая болезнь побеждает его, превращает в развалину, закабальет его близких. Смерть этого редкостного человека — до сих пор саднящая рана для тех, кому посчастливилось с ним общаться, а уж каким потрясением была она для Фрида — слов таких не найти, чтоб рассказать об этом. Хотя на поминках, на которые съехались друзья со всей страны, он держался очень достойно и после первой рюмки, которую выпили не чокаясь, попросил оставить траурный тон и вспоминать только хорошее и смешное, что связано с именем Юлика. Грешно сказать, это были самые веселые, добрые и человеческие похороны, на которых я когда-либо присутствовал, но все равно за спиной Валерия Семеновича все многозначительно переглядывались: мы понимали, что для него эта потеря особенно горька и непоправима — исчезла половина его самого.

Дунский и Фрид подружились еще в школе, где они, дурачась, сочиняли пародии на увиденные фильмы, потом вместе — всю последующую жизнь они всё делали вместе — поступили во ВГИК на сценарный факультет, вдвоем отправились добровольцами на фронт, но были сняты с поезда и доставлены на Лубянку, где обоим предъявили обвинение в орга-

низации покушения на Сталина: они якобы хотели бросить гранату в сталинский лимузин, когда тот проезжал по Арбату. Позже выяснилось, что окна квартиры, где окопались «террористы», выходили не на улицу, а во двор, и докинуть гранату оттуда было никак невозможно, но на приговоре эта мелочь не отразилась: десять лет лагерей и поражение в правах. От звонка до звонка два этих интеллигентных еврейских мальчика провели в тюрьмах, пересылках и лагерях, потом их определили на вечное поселение в Инте, но в 1956 году реабилитировали.

Начало новой жизни они отметили написанием сценария «Случай на шахте восемь», по которому тут же снял фильм начинающий тогда режиссер Владимир Басов, а «звездами» выступили совсем молодые Наташа Фатеева и Анатолий Кузнецов. Когда авторы посылали свою рукопись на «Мосфильм», то загадали: если сценарий примут, то они получают расчет на работе и перебираются в Москву, а если нет — остаются в Инте и до конца дней своих работают по вольному найму на шахте. И это счастье, что Ивану Пырьеву, руководившему тогда «Мосфильмом», сценарий понравился, а то осталось бы наше кино без многих шедевров. Не было бы, к примеру, первого отечественного суперхита «Человек-амфибия» — теперь уже можно рассказывать, что официальный автор сценария и друг Дунского с Фридом еще по лагерю Алексей Каплер отнесся к этой работе по

экранизации известной книги весьма небрежно, и когда в студии потребовали многочисленных поправок, он попросил своих молодых коллег доработать сценарий. Что они, как люди, очень помнившие добро, и сделали, переписав сценарий от первого до последнего эпизода и не претендуя ни на авторство, ни на гонорар.

Сценарии Дунского и Фрида настолько свободны от конъюнктуры своего времени и настолько совершенны, что к ним можно относиться как к классическим пьесам — то есть лучшие из них время от времени ставить заново, как Чехова или Шекспира. Я, во всяком случае, с большим удовольствием снял бы новую версию не слишком удачно реализованного в кино великого сценария «Жили-были старик со старухой». И успешные «Служили два товарища» могут быть теперь решены очень неожиданно, и «Красная площадь», освободившись от идеологических клише, может зазвучать по-новому свежо.

Лагерь свел их с великим множеством человеческих типов и характеров. Рискну даже утверждать, что никто в нашем кино так не знал и не понимал человека, как Дунский и Фрид. В знании этом было много печали, потому что повидали они и слабостей и подлостей через край, но сталкивались и с высокими проявлениями человеческого духа. А кроме того, спасало врожденное чувство юмора. Всё вместе это и рождало неповторимо мудрую и добрую интонацию их фильмов.

В жизни они были такими же, как их сценарии, — доброжелательными и мудрыми, а в творческой среде такое случается не так уж часто, и нередко проповедники нравственности оказываются людьми аморальными. Авторитет Дунского и Фрида среди кинема-

тографистов был неколебим, хотя и не входили они ни в какие руководящие органы, — их просто уважали и любили. Но и побаивались, потому что они недемонстративно, но твердо отстаивали от себя людей предавших, совершивших неблагоприятные поступки, зарвавшихся в карьерных усилиях. Их тихое: «Мы его не любим» — звучало посильнее разгромного подвала в газете.

Главный подвиг жизни Валерия Фрида после смерти Дунского — книга «58 1/2». В ней он сохранил для истории рассказы о лагере, которые мы, их друзья, не раз слышали от них, виртуозно сохранив интонацию устной речи и юмор диалогов. В книге ожили герои их новелл, фамилии которых они часто давали героям своих фильмов. На похоронах Дунского я со многими из них познакомился и могу засвидетельствовать, что оригиналы в полной мере соответствовали своим литературным двойникам.

Эта книга куда зримее объясняет новейшую историю страны и психологию советского человека, чем многие научные трактаты. Даже «Архипелаг ГУЛАГ» обязательно нужно читать параллельно с «58 1/2», чтобы не оказаться задавленными савонароловскими инвективами Солженицына, а видеть мир более объемным и красочным. И еще эта книга — памятник дружбе, не менее хрестоматийной, чем дружба Герцена и Огарева.

Валерий Фрид умер в сентябре 1998 года — умер легко, в одночасье, как и положено праведнику. 13 января, в день его восьмидесятилетия, его друзья и обожающие его ученики соберутся в его махонькой однокомнатной квартире, где все последние годы праздновал он свои дни рождения, и весь вечер со смехом и слезами будут вспоминать о человеке, который был среди нас.